

14 ноя. 42

Ф. КАВЕРИН

КОММЕНТАРИИ К ШЕКСПИРУ

Прошел год работы нашего театра среди военных летчиков. Нельзя даже приблизительно передать всю силу, все обилие впечатлений, которыми пропитан за этот год — год войны — каждый искренний и ищущий художник. Среди всех этих впечатлений, как одно из тех, которые помогли нам расти, навсегда незабываемой остается наша встреча в армии с Шекспиром и наше новое знакомство с ним.

1

Началось это так.

Год назад на торжественном октябрьском заседании от стола президиума на трибуну для доклада о 24-х годах пролетарской революции вышел полковой комиссар Новиков. Мы уже успели полюбить этого простого и строгого командира. Его неожиданные задания театру часто сперва пугали, а потом радовали нас. Но сегодня, сейчас, нас, сидящих в президиуме, особенно заинтриговало то, что в дучке книг и газет, которые комиссар подложил на трибуну в качестве материала для доклада, поместился толстый брошюровый том Шекспира из нашей клубной библиотеки.

Враги наступали на Москву. Военная часть живет напряженной жизнью, и те, кто сейчас заполнил зрительный зал, готовят себя к смертельным боям. И здесь — на этом собрании — заговорил Шекспир. Мы услышали монолог Макбета:

Я так глубоко погрузился в кровь,
Что все равно не стоит возвращаться.

Перед слушателями встал образ кровавого изверга, которому нечего терять, потому что возврата нет, потому что друзья его теперь — только убийцы, и ему остается только идти путем насилия и крови, пока мы, слушатели, летчики-истребители, не остановим его смертью. Шекспир долог... и ненавистью горели глаза в зале. Я не знаю, кто о чем думал в это время, но, продолжая мысль докладчика, я невольно видел за густой зеленью красноармейских гимнастерок, за юным блеском глаз свежую зелень бирманского ле-

са, которая вот-вот двинется на приступ к фашистскому Донзину.

Момент был захватывающий, огромный. И после него уже не было ничего необычного в том, что между докладом и концертом командование обратилось к актерам с просьбой включить в репертуар нашего театра одну из пьес Шекспира, а мы согласились.

2

Теперь вспоминаешь с улыбкой неловкости, как совсем второстепенные вещи чуть было не заслонили от нас главного, как мы оказали сопротивление первому непосредственному творческому чувству, оказались на поводу довоенных привычек, короче, как мы испугались через несколько дней, когда начали перебирать шекспировские темы, листать странички его трагедий. Нас гипнотизировало собственное благоговение. Каждый находил десятки соображений:

— Нужен год подготовительной работы!

— Владимир Иванович три года работает над «Гамлетом»!

— Мы ни разу не играли Шекспира всерьез: «Конек — делу венец» был буйным озорством от молодости!

— Кто посмеет взяться за Стелло или Ричарда в короткие сроки? Нельзя же остановить работу над сегодняшним репертуаром!

— Нас мало.

— Где достать необходимые материалы?

Коллектив во главе с худруком смалодушествовал. Но, чтобы выполнить заказ, мы предложили поставить «Виндзорских кумушек»: небольшая пьеса легко монтируется в три акта, у нас очень хорошо расходятся роли, нам поможет наш опыт в классической комедии, наконец, главное — это не так страшно.

Через несколько дней я смущенно докладывал общему собранию, что командование и политотдел не хотят насиловать наших творческих возможностей; что был большой смысл ставить одну из величайших трагедий Шекспира — они входят в общеобразовательную программу летчика-курсанта, и зритель этого достоин такого

спектакля; что в первую очередь и его и нас волнует сегодня Шекспир-боец за человечность, Шекспир-воин, Шекспир-патриот; что здесь сам коллектив найдет новое и сегодняшнее, а комедий в репертуаре театра много.

Решение было вынесено немедленно и единогласно: ставим «Макбета»! Дни колебаний Вечеслова и Шатова, кому взять на себя такую ответственность. Наконец, решено: Макбет — Шатов, леди — Царева. Я сажусь за экземпляр, художник Ладжинский пристальнее, чем обычно, прощупывает каждый уголок нашей сцены.

3

На режиссерский стол сносились стопки книг из отличной библиотеки школы. Каждая почта приносила пакеты и письма с материалами, много друзей слали в наш городок свои советы, воспоминания, замечания. Меня глубоко взволновал тот день, когда мне передали сразу два письма от моей учительницы, заслуженной артистки РСФСР Н. А. Смирновой, с ее описанием работы над постановкой «Макбета» в Малом театре, о вдохновенных мыслях К. С. Станиславского об отдельных кусках трагедии, — и от своей ученицы по Гитису, подробно описывавшей мне последнюю шекспировскую конференцию в Москве. Шекспир в отечественной войне, в Красной Армии — и на стыке двух поколений. Должно что-то родиться.

И это рождалось. К читанным ранее книжным комментариям и исследованиям — война, армия, ее люди вносили свои комментарии, как все у народа, героические, ясные и простые. Мы, сами того не замечая, жили в шекспировской атмосфере, и каждый день дарил нас шекспировскими впечатлениями.

4

Лейтенант Алеша Н. прилетел с фронта. Это один из первых товарищей, с которым коллектив сдружился сразу по приезде в часть. Страстная любовь к искусству быстро привела его в нашу семью; как родного, провожали мы его несколько месяцев тому назад «туда». Сегодня после спектакля мы окружили его и слушаем в затемненной комнатке его повесть. На его груди поблескивает орден Красного Знамени. Затанув дыхание, боясь проронить слово, слушают актеры рассказ героя.

Вот его неравный бой с группой стервятников. Вот он приходит в себя после падения горящего самолета и видит вокруг фашистов

— Один машет рукой, меня повели, поставили к дереву возле моей доторающей машины. Значит, расстрел. Что же делать? Я сложил руки за спиной и сделал презрительное лицо. Вдруг один подходит с «лейкой». Не расстреливают — снимают!

А дальше рассказ о непереносимой тяжести плена, о жестокости фашистской стражи...

— О племени антропофагов злых, — мелькает фраза мавра.

Дальше побег, в одном белье, по жгучему морозу подмосковных боев, голодное отсиживание возле занятых немцами родных деревень. Дальше — сама Москва, трамвай, на котором, стесняясь своего вида, Алеша едет, закрыв лицо руками, в Управление ВВС, где находит себя в списке убитых. Дальше родная часть, друзья, госпиталь, отдых.

Широко раскрыты впившиеся в рассказчика глаза женщин.

...Расскажам этим всем

С волнением внимала Дездемона.

Шекспировские страницы заполняются новой жизнью.

Алешу уложили спать. В предразсветном холодке расходятся актеры по домам. Они идут тесной кучкой. Они негромко повторяют куски Алешиного рассказа. Они нашли сегодня много красок для следующего военного спектакля. Они нашли их у скромного Алеши и для великого Шекспира.

5

Раненый лейтенант К. приподнялся с койки. В его глазах словно снова встала вся картина его удачной штурмовки.

— Делаю еще заход! — говорит он актерам, для которых летная терминология давно стала своей. — Хочется еще принести пользу.

Да, мы вполне согласны с ним: истреблять наземные группы фашистских войск — это значит приносить пользу родине, человечеству, жизни. Мы только бы, наверное, никогда не решились определить этого такими точными и простыми словами.

Но вот наш лейтенант снова откинулся на подушки. На его лице счастливая, добрая улыбка.

— Никогда не забуду этого утра. На душе было хорошо, ясно. Я веду огонь, а наверх взгляну — товарищи отстрелялись и меня охраняют. И ныряют они,

дорогие, в воздухе, как чайки (маленькая пауза, лейтенант словно помогает пальцами здоровой руки выленить более точное, более ласковое слово)... как пучки серебряные, — с радостной нежностью заканчивает он.

Мы тоже не забудем этого утра. Не был в бою, мы познали в отразившем бой блеске глаз, в этих любовно найденных «пучках» радостное упоение боя, правым делом боя, красоту проверяемой под выстрелами боевой дружеской поддержки.

И мы поняли того раненого в первой сцене «Макбета», который, рассказывая о том, что выкинувшей его битве, все время находит и выразительные эпитеты, и волнующие образы — и пловцов, «когда они, схватясь, теснят друг друга», и командиров, «испугавшихся» врага, «как зайцев лвы или воробьев орлы». Это, то же восторженное упоение боем за правое дело, а не пышная цветистость литературной речи.

Лейтенант К. с госпитальной койки поставил нам эту сцену. Она — первая в спектакле. И в ней, кажется, найдется верный и страстный ключ к тайне шекспировской игры.

6

К нашему городку приблизился фронт, и у коллектива оказалось по горло другого, неотложного, захватывающего дела.

Еще нельзя сказать, когда нам удастся осуществить рожденный в армии замысел шекспировского спектакля. Но когда бы это ни случилось, его основой будет та правда, которую мы узнали о человеке в десятках встреч, случаев и повестей, похожих на только что рассказанные.

На наших глазах великий гигант человеческой мысли, мирового искусства, борясь за настоящего человека против мрачных цепей тирании протянул дружескую руку коллективному гиганту наших дней, вооруженному народу, отстаивающему кровью любвеобильного сердца, этого настоящего человека. С великим уважением перечитываем мы страницы знаменитых комментаторов Шекспира, но ни Брайлес, ни Гервинус, никто не сказал так много сердцу актера, как люди с серебряными крылышками на голубых петлицах.

Они сделали для нас Шекспира доступным, простым и родным. Таким — при их дружеской помощи — мы и пронесем его сквозь гул великой отечественной войны на подмостки к зрителю победившего народа.